

*Шипицына Г. М., д-р филолог. наук, проф.
Белгородского государственного национального исследовательского университета*

О ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ АВТОРСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Shipitsina@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются собственно языковые и неязыковые механизмы превращения авторских высказываний в устойчивые словосочетания, аналогичные фразеологизмам. Названы коммуникативные функции употребления таких высказываний в современной речи.

Ключевые слова: авторские изречения, фразеологические сочетания, пословицы и поговорки, значение и смысл, прагматика, ментальность россиян.

Коммуникативные практики предъявляют говорящим высокие требования к оформлению их высказываний для достижения эффективности речи. Бывает совершенно недостаточно говорить нормативно правильно и стилистически корректно, важно также в выборе языковых средств достичь черт современности, отражения в своей речи особенностей актуального мировосприятия в соответствии с духом времени. Полагаем, что данные особенности в оформлении высказываний стимулируют образование устойчивых сочетаний различного рода, которые в большом количестве употребляются в самых разных стилях и жанрах литературного языка XXI века (например, *либерализация цен, свободный рынок, потребительская корзина, отмывание грязных денег, зачистка местности, черная сборка, падение рубля*). Такие устойчивые словосочетания могут появляться в результате многократного тиражирования понравившегося или чем-то поразившего, запомнившегося высказывания отдельного человека, особенно, если это всем известная публичная личность. Фразы становятся привлекательными для «работников пера», что способствует популяризации таких оборотов, превращению их в знаменательный факт публицистической и разговорной речи, следствием чего уже в самом языке создается новый фразеологический оборот или крылатая фраза. Подобные новообразования могут быть удобными для номинации того нового, которое приходит с изменением общественных взглядов, идеалов и ценностей в меняющемся обществе; они позволяют воссоздать номинативный облик эпохи. Новые устойчивые клише – «это моментальные снимки живой русской речи. Онисвидетельство того, как окружающая нас действительность отражается в общественном сознании, и какова она, эта действительность» [1: 59].

Образование фразеологических неологизмов на базе свободных сочетаний определяется термином фразеологизация. Традиционная лингвистика подчеркивала, что превращение свободного словосочетания в устойчивое, в том

числе его превращение во фразеологизм или поговорку, пословицу, – процесс длительный, происходящий в течение многих десятилетий и даже веков. Вот высказывание известного фразеолога Э.М. Эмировой: фразеологизация – это «диахронический процесс приобретения словесным комплексом устойчивости, целостности значения и общеупотребительности, как длительный процесс его вхождения в лексико-фразеологическую систему языка и закрепления на осях синтагматики и парадигматики ...» [3: 44]. Однако современное языковое состояние и происходящие в русском языке последних десятилетий процессы уже не соответствуют этому тезису. В связи с модернизацией современной российской действительности, быстрыми изменениями в общественном сознании россиян, русский язык весьма заметно активизировал свои ресурсы для оперативного решения возникающих проблем номинации и оценки явлений действительности. Убыстрению процесса образования новых устойчивых выражений и клише способствуют, конечно же, средства массовой информации, благодаря которым понравившееся языковое выражение может стать достоянием всего общества в очень короткий срок.

Среди новых языковых выражений бывает много таких, которые недолговечны: они появляются, живут какое-то время, затем забываются. Особенно это касается авторских высказываний. Пока их автор находится в центре общественной жизни, его фраза бывает актуальной, но с уходом автора фразы из когорты лиц, чьи слова общезначимы, фраза также уходит из употребления. Однако некоторые высказывания известных людей остаются в языке, хотя их автор мог произнести их всего один раз, да и самого автора уже может не быть. Примером такого изречения является весьма популярное в народе изречение Виктора Степановича Черномырдина *Хотели как лучше, а получилось как всегда*, которое мы и разберем далее более подробно.

Живучесть этого высказывания и превращение его в народную поговорку изначально были обеспечены взаимодействием этноязыко-

вых и внутриязыковых факторов, взаимосвязью его коммуникативных и формально-языковых качеств с этнокультурными и ментальными особенностями носителей русского языка. В момент своего образования всякий речевой оборот создается для выражения конкретной жизненной ситуации, он всегда вначале ситуативен. Можно утверждать, что и пословично-поговорочные образования появлялись так же. Например, тот из далеких наших предков, кто впервые сделал вывод о том, что *цыплят по осени считают*, скорее всего имел в виду только то, что говорить о количестве цыплят, которые не пропадут и останутся у него к осени, лучше всего осенью. Затем этот вывод распространился и на другие жизненные ситуации, в которых не стоит заранее прогнозировать будущую прибыль без учёта всех возможных негативных событий и неудач. Так оборот приобретает обобщенный смысл, при котором первоначальный сюжет (в нашем примере – это прогноз о количестве цыплят) метафорически переосмысливается и, часто сохраняя свое исходное содержание, приобретает обобщенное значение, применимое ко многим жизненным ситуациям. Основное условие этого процесса – уход от конкретно-ситуативной речевой ситуации. С позиций теории коммуникации такая ситуация характеризуется полным представительством двух коммуникантов – говорящего и слушающего. У высказывания *хотели как лучше, а получилось как всегда* эксплицитно говорящий вовсе не представлен: автор ничем, никаким языковым способом себя не выражает. Он не только не является фразовым субъектом речи, как, например, в высказываниях типа *я говорю, что мы хотели как лучше...*, но полностью исключен из речевой ситуации. Однако дело здесь не только в формальной непредставленности говорящего. Кстати, при тиражировании высказывания носителями языка этот говорящий в течение ряда лет представлялся в предваряющем фразу контексте типа *как сказал наш бывший премьер, как выразился Виктор Степанович, как уже прояснил ситуацию Черномырдин, как изрек Виктор Степанович, по словам Черномырдина* и т. п. Говорящий во фразах этого типа устранен семантически и прагматически. Авторство фразы не столь существенно, как существование ее смысла. В ней не столько отражена авторская позиция говорящего (потому в высказывании нет средств субъективной модальности), сколько определена формула происходящего и многократно происходившего ранее в отношениях власти и народа. Эта формула удачно наложилась на социальное мироощущение, на характер социальной оценки настоящего и прошлого.

Распространению фразы способствовала и нетипичность для носителей языка источника изречения, самой личности ее создателя. Он не литературный классик и не великий оратор. Притом он именно тот человек, от которого во многом зависело изменение ситуации в отношениях власти и народа в лучшую сторону. Но ситуация эта не изменилась, потому смысл изречения выглядит как признание, с одной стороны, мужественное, а с другой, – искреннее до забавной наивности, а потому абсолютно неожиданное. И очень удивившее народ: так никогда не было раньше, чтобы власть намекала, что *лучшего-то* и не было и ожидать его нечего... Эффект обманутого ожидания здесь явно сыграл свою роль в повышении экспрессии фразы.

Прагматическое звучание фразы подкреплено формой глагола *получилось* – во второй части высказывания, предназначенного для выражения результата деятельности тех, которые *хотели как лучше...*, форма глагола *получилось* с безличным значением. Из второй части выражения производитель действия вовсе устранен. Результат возник помимо воли этих неопределенных субъектов действия. В первой части изречения само действие так и не названо, в ней один модальный глагол *хотели* со значением желательности. Даже инфинитива *сделать* во фразе нет (или он просто опущен), что высвечивает разрыв между модальной семантикой двух частей фразы: *они хотели...*, *а онополучилось*, то есть само получилось, не считаясь с желанием чего-то хотевших.

Уход от речевой ситуации в анализируемом выражении проявился и в непредставленности второго звена коммуникации – слушающего. Высказывание не имеет эксплицитной адресности речи, оно не обращено ни к какому виду слушающего – ни к индивидуальному, ни к групповому, однако имплицитная обращенность к массовому слушателю ощутима, и она способствует фразеологизации высказывания. Итак, в анализируемой нами фразе *хотели как лучше, а получилось как всегда* субъект действия не определен. Проблема адресата тоже снята: фраза ни к кому конкретно не обращена, это словно бы мысли вслух, в пустоту.

Фразеологизации данного высказывания способствует и то, что, тиражируя его, носители языка воспроизводят только материально-языковую основу фразы, воспроизводят означаемое и языковое значение, лежащее на его поверхности, тем самым отделяют это значение от исходной смысловой ситуации. Это никак не соответствует тенденциям коммуникативного воспроизведения чужой речи. А именно: в ком-

муникации при воспроизведении чужого высказывания говорящий нацелен не столько на передачу чужих слов, сколько на передачу их смысла, причем, глубинного, скрытого смысла. Н. Д. Арутюнова пишет: «объектом вербализации в большинстве случаев является коммуникативный смысл высказывания, как бы он ни был выражен – прямо или косвенно. Словесно оформляется то, что «хотел сказать, имея в виду, участник коммуникации» [4: 47], то есть в результативной коммуникации самое главное – подлинный смысл высказывания. А при воспроизведении черномырдинской фразы носителями языка ее первичный смысл не воспроизводится, он неинтересен, поскольку для носителей языка он всегда был ясным: ментальность народа не нацелена на ожидание *лучшего* от власти. Понравилась лишь фраза и ее семантико-прагматические возможности. Поскольку смысл ее не воспроизводится, фраза выводится из своей коммуникативной исходной среды, дистанцируется от нее и отрешается от конкретно-ситуативного смысла.

Во фразе *хотели как лучше, а получилось как всегда* не подключены и другие звенья механизма коммуникации. Отсутствует привязанность высказывания к определенному месту и времени вследствие ряда причин. Так, в содержании фразы нет семантических выразителей пространственно-временной определенности событий: *когда* и *где* имело место событие, выраженное в высказывании. Эффект неопределенности времени существования факта достигается использованием формы прошедшего времени глагола в имперфектном значении, не способном конкретизировать временные ориентиры. Наречные сочетания *как лучше* и *как всегда* в этой фразе не являются дейктическими средствами, соединяющими части текста. Здесь они в иной функции. Хотя это высказывание было произнесено в связи конкретными событиями – очередной неудачей сделать лучше для народа у определенных политических деятелей, наречия *как лучше* и *как всегда* не отсылают к микроконтексту именно этого события. Наоборот: они выводят высказывание за пределы своего исходного контекста, отрывают фразу от контекста. Особенно второе наречное сочетание – *как всегда*. В результате этого носители языка и создатель фразы оказываются в различных пространственных и временных плоскостях, они не соединены общим временем и общим коммуникативным процессом.

У носителей языка и автора фразы нет и других звеньев коммуникативного сотрудничества, таких, как общая речевая установка, общий коммуникативный фон и общее

информационное поле. Речевая установка автора фразы (В.С. Черномырдина) – это, очевидно, увещание, выражение своего неудовлетворения конкретными действиями подчиненных. Однако мы можем лишь домысливать это, опираясь на знание исходной ситуации и контекста. В самой фразе нет средств субъективной модальности, проясняющих целевую установку ее автора.

В результате многократного употребления в СМИ высказывание *хотели как лучше, а получилось как всегда* выступает как результат образно-типического обобщения чего-либо, что ведет к созданию постоянного и цельного семантического содержания. Например, *Мы хотим сделать не как всегда, а как лучше* («Комсом. правда» № 94, 1999) – о съезде общественно-политического блока «Вся Россия»; *Хотели как лучше, а получилось как всегда* («Комсом. правда» № 180, 2000) – о том, что решение администрации Валуйского района Белгородской области «подправить» в селе Ватутино дом, в котором родился генерал армии Герой Советского Союза Н.Ф. Ватутин, обернулось практически его разрушением; *Хотел как лучше, а получилось как лучше* (ОРТ, «Смехопанорама» 28.11.2001); *Посол России (В. Черномырдин) в Киеве подвергся злым нападениям тамошних депутатов за то, что «в оскорбительной форме пытался дать указания украинскому МИДу, какими должны быть отношения с европейскими странами и США». Зря они про «оскорбительную форму». Болюдинабажал як найкраще. Просто склалося як завжди...* («Комсом. правда» № 8, 2003). Итак, для носителей языка фраза *хотели как лучше, а получилось как всегда* стала своеобразной формулой, обобщающей итоги многократных социально-экономических экспериментов в России.

Коммуникативный фон для речевого воздействия В.С. Черномырдина определялся отношениями служебной субординации между участниками диалога, что также не совпадает с фоном народной коммуникации. Массовый носитель языка использует это выражение в самых разных ситуациях не только для оценки действий властей или для характеристики действий самого В.С. Черномырдина, но и для оценки обычных бытовых ситуаций. Несовпадение информационного поля у компонентов ряда *создатель фразы* → *получатель фразы* объясняется еще и моментом домысливания со стороны получателей фразы. Используя ее, носители языка обычно семантически дополняют и во многом варьируют ее исходный смысл.

Жизнеспособность многих авторский высказываний поддерживается ощущением образа их создателя. Образ автора заменяет носителям языка пространственно-временную привязку сообщения к ситуации. Образ автора, а также семантические концепты помогают сознанию носителей языка вспомнить широкий контекст и информационный объем фразы. При этом может восстанавливаться исходная ситуация и ее участники, т. е. фактически весь «театр действий». При достаточно устойчивой фразеологизации авторские высказывания могут варьироваться, например, высказывание *хотели как лучше, а получилось как всегда* в Орловской области употребляется и так: *хотелось как лучше, а получилось как вышло*.

Итак, мы объясняем фразеологизацию анализируемого авторского высказывания тем, что его семантика, структура, лингвокультурный и прагматический смысл оказались удобными для

отключения всех звеньев языковой коммуникации, удерживающих обычные выражения в структуре их исходных контекстов. Подобные новообразования представляют собой особый, типичный для нашего времени, способ отражения и оценки действительности средствами языка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Юдина А. Д. Окказионализмы на страницах периодики // Русская речь. – 1999. – № 5. – С. 56 – 59.
2. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1988. – 92с.
3. Арутюнова Н. Д. Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. – М.: Наука, 1992. – 345 с.